

IV 50 РОКІВ В ПСИХОЛОГІЇ Інтерв'ю з В.О. Моляко

В связи с интригующей датой – 50-летия пребывания в рядах психологов целой группы известных украинских психологов (Л.В. Андриевская, В.М. Бондаровская, М.И. Борышевский, В.А. Моляко, Р.А. Пономарева, Е.В. Проскура, и целого ряда других), мы решили осуществить, по возможности, широкий опрос этих ученых об их научной и личной судьбе на страницах нашего сборника, поскольку их мнения выходят за пределы личных достижений и впечатлений и, мы уверены, представляют большой интерес для всех поколений, пребывающих в рядах нашей науки. Мы начали беседы с Валентина Алексеевича Моляко, заведующего лабораторией психологии творчества нашего Института.

В.В. Москаленко, И.Н. Била,
Н.А. Ваганова, Н.В. Медведева,
Н.М. Латыш, члены редсовета.

Вопросы задавала В. В. Москаленко

Валентин Алексеевич, как Вы относитесь к точке зрения А. Камю («Миф о Сизифе»), что мысль о смысле жизни абсурдна?

В.А. Я знаком с этим эссе А. Камю и рядом других его произведений, но не могу разделить его мнение об абсурдности мысли о смысле жизни. Я не говорю о правомерности такой мысли. У каждого из нас есть право на свою точку зрения, тем более, когда речь идет не о строго научной доказательности, а именно о мнении. Правда, в свое время (особенно в аспирантские годы) мы много дискутировали с моими сокурсниками – Борисом Иванченко и Виталием Савельевым на эту тему и порой, опережая тогда еще нам не доступное мнение Камю, говорили о возможной абсурдности и мира, и бытия, и, соответственно, смысла жизни. Но это были разговоры на вольные темы. Уже одно то, что нам нужно было творить диссертации, наполняло нашу жизнь пусть, может, и не каким-то высшим, но смыслом. И этих смыслов, что ни говори, у каждого из нас иной раз больше, чем возможностей избежать их в философской дискуссии о бессмысленности. На эту тему есть блестящее стихотворение Евгения Винокурова «Абсурд».

В жизни каждого человека бывают трагедии, которые меняют его жизнь. Как изменила Вашу жизнь трагедия утраты спутницы, друга, коллеги, очень яркой личности? Помогает ли Вам сейчас свет её души?

В.А. О невосполнимых потерях в нашей жизни говорить трудно. Здесь может помочь лишь одно: вера в бессмертие души (а, может быть, и тела, если вовлечь в контекст концепцию Н.Ф. Федорова), в бесконечность мира и форм жизни. Но то, что ОТТУДА приходит помощь, поддержка и, как Вы выразились, свет, для меня несомненно. Ведь мы практически ничего не знаем о «потустороннем мире». Если в сновидениях нам являются живыми наши близкие, то уже одно это о чем-то говорит. И не только о воспоминаниях – сны бывают новыми по своему содержанию.

Считаете ли Вы современную молодёжь более творческой по сравнению с поколением, которое не имело электронных средств информации?

В.А. Не считаю. Скорее наоборот – для большинства электронные носители информации чаще глушат творческую мысль, чем стимулируют ее. Особенно, если речь идет о переизбытке информации – выбраться «из-под нее» далеко не под силу многим.

В какое время суток Вы любите писать стихи, а в какое – заниматься наукой? Считаете ли Вы, что этот вопрос можно перефразировать так: чего в Вас больше – учёного или поэта (по аналогии с чеховскими учёным и переплётчиком)?

В.А. И стихи, и попытки научных поисков от времени суток у меня не зависят: строки и идеи могут прийти тогда, когда и где им вздумается. О себе, как поэте, судить не берусь (стихи говорят об этом лучше, чем я бы сказал или подумал). А сколько во мне ученого? Тоже не берусь судить. Я больше склонен разделять мнение, что мы научные работники, а не ученые. Звание ученого присваивает не ВАК (он присваивает степени, а это не одно и то же), а история науки. Кого больше? Конечно, поэта. Потому что поэт воспринимает мир непрерывно, а «ученый» лишь то, что исследует. И это не только у меня, а у всех (к тому же я считаю поэтами всех людей, независимо от того, пишут они стихи или нет, ведь поэзия – это образное преобразование окружающего мира словами, звуками, прикосновениями, запахами, вкусами).

Каким Вы видите будущее психологии творчества в Украине и место в ней Вашей лаборатории?

В.А. Место психологии творчества в будущей Украине зависит намного больше от дальнейшей судьбы Украины, чем от психологии творчества, и от творчества вообще. Если мы возродим научное и техническое творчество в государственных масштабах, если мы сможем адекватно стимулировать повседневную деятельность специалистов в различных сферах, то даже то, что уже наработано в психологии, будет очень кстати и будет дополнительным и важным стимулом, учебной сферой, ростом для общей и профессиональной культуры каждого человека. Место лаборатории? Давным-давно пора создавать институт научно-практических проблем творчества, развития творческого потенциала, стимулирования творческой деятельности. Я и сам, на зависть Дон Кихоту, ношусь с этой идеей. Но бюрократические мельницы продолжают вертеться на холостых ходах. Да, о чем говорить, если первая в СССР (!!!) лаборатория – наша лаборатория – была создана только в начале 80-х годов. Вот это и есть абсурд, который А.Камю и не снился.

Вопросы задавала И. Н. Бица

Сейчас многие люди не находят смысл жизни. По Вашему мнению, в чем он?

В.А. Пока не знаю. На подобный вопрос Валентины Владимировны я ответил иначе. И это не парадокс, потому что могут быть варианты. А сейчас люди не находят такой смысл чаще всего из-за кризисности самой жизни, причем системной и хронической, можно сказать, что люди верующие, независимо от конфессии, находятся в лучшем положении.

Что самое ценное в жизни человека?

В.А. Каждый конкретный человек решает это сам. Для меня – это возможность творить. Впрочем, она бесценна, так же, как и любовь близких и любовь к ним.

Валентин Алексеевич, что в жизни Вас радует больше всего?

В.А. То, что у меня меньше грехов, чем могло быть. А также – новые интересные идеи, книги, счастливые лица людей.

Что огорчает?

В.А. Циркулирующее мнение, что жизнь конечна. И многое другое. Особенно ложь, невежество, предательство, лень и пассивность, чья бы то ни была.

Что удивляет?

В.А. То, что я еще жив.

Какой момент, этап жизни Вы бы хотели повторить, прожить еще раз?

В.А. Этот этап – вся моя жизнь. Конечно же, если бы было позволено сделать некоторые «купюры» – потеря близких, война, собственные далеко не лучшие поступки.

Какой самый ценный подарок Вы получали?

В.А. Сказку К. Чуковского «Муха-Цокотуха» в дошкольном возрасте. Почему это так – не знаю. А так – доброе отношение ко мне не только родных, но и многих-многих людей, даже когда я этого не заслуживал. В самом деле прав А.С. Панарин: «Дарение – это высшее творчество».

Лучшее средство от депрессии?

В.А. Не знать, что это такое. Я не шучу, когда человек не знает, что у него депрессия, и думает, что это лишь такое временное настроение, то ему спокойнее и легче его перетерпеть.

От стресса?

В.А. Марафонский забег. В прямом и переносном смысле. Известно, что физические нагрузки могут снимать стресс. Но разновидностей стрессов много, значит и средств против них должно быть соответственно. Есть и еще одно, почти универсальное: пить чай с вареньем, особенно в приятном обществе.

Чему Вы хотели бы еще научиться?

В.А. Китайскому языку. И не только. Но как сказал один известный лентяй: времени или нет, или его не хватает.

Какие современные психологические концепции, теории, по Вашему мнению, внесли ощутимый вклад в психологию?

В.А. Те, которые еще будут. Может быть в ближайшем будущем. Я имею в виду прежде всего новые синтетические, объединяющие теории и прорывы в изучении восприятия и сознания.

У кого из известных психологов Вы бы хотели взять интервью и о чем спросить?

В.А. У очень многих. И вопросов задал бы больше, чем Вы мне. Но «иных уж нет, а те – далече».

Ваши оптимистические прогнозы развития психологической науки, пути ее прогрессивного развития.

В.А. Скромно надеюсь, что психология в конце концов встретится с самой собой. Я имею в виду прежде всего обретение убедительного раскрытия сущности и миссии психологии. И, прежде всего, ее уникального, единственного статуса среди классических и зарождающихся наук.

Вопросы задавала Н. А. Ваганова

Вы пришли в аспирантуру к Г. С. Костюку. Вы много общались с ним, не могли бы рассказать о нем, вспоминая малоизвестные детали.

В.А. Да, это действительно так: я пришел в психологию, попав в первый же момент именно к директору Института психологии – Григорию Силловичу Костюку. Наверное, это именно то, что мы называем судьбой. Ведь моего интереса к психологии могло бы и не хватить, чтобы стать психологом и формально. Г.С. предложил мне поступать в очную аспирантуру, предварительно убедившись – в первой же нашей беседе, что я в самом деле уже попал в психологические сети. Правда, попал я в нее, скажем так – с «черного хода». Я как любитель начинал не с имеющихся на то время учебников и книг, а с работ по психоанализу, прежде всего самого его основателя – З. Фрейда, основательно проштудировав издававшиеся в двадцатые годы под редакцией И.Д. Ермакова труды. Можно сказать, что я был на тот момент может быть единственным (не знаю – в Советском Союзе, или только в Украине) полулегальным психоаналитиком. Причем, я не только читал, но и практиковал в Институте автоматике, где тогда работал в конструкторском отделе, вовлекая в ряды испытуемых десятки сотрудников (у нас была даже «психоаналитическая кушетка» в одной из комнат, где стоял множительный аппарат и я там в обеденные перерывы постигал «потoki свободных ассоциаций»). Показательно именно то, что мой воинственный психоанализ не отпугнул Костюка, он лишь мягко дал понять, что это вовсе не центральное место в психологии и посоветовал мне начать регулярное ознакомление с соответствующей литературы... Но это вначале нашего общения. В дальнейшем я действительно общался с Г.С. много и подолгу, особенно после того, как его отстранили от руководства Институтом и он пребывал в своего рода «ссылке» на третьем этаже, и к нему резко иссяк бурный поток посетителей. Я приходил к Г.С. едва ли не каждый вечер, часто провожал его домой (он жил в полудне неспешной прогулки). Советовался, расспрашивал, делился своими идеями и планами. Г.С. несколько раз удерживал меня от ухода из Института (так складывались обстоятельства). Он же настоял, чтобы я свою докторскую диссертацию посвятил конструкторской деятельности (а меня все время заносило в другие сферы – порой я хотел исследовать сновидения, а то и саму телепатию!). У меня сохранилось несколько записных книжек моих бесед с Г.С. Их надо бы расшифровать, но это требует много времени и вполне заслуживает, пожалуй, целой, пусть небольшой, книги бесед. О Г.С. уже вышла часть коллективных мемуаров, там есть мой небольшой эскиз, в том числе пару малоизвестных деталей.

Валентин Алексеевич, Вы создали первую в Советском Союзе лабораторию психологии творчества. Расскажите, пожалуйста, историю ее создания и что этому предшествовало, как Вам удалось привлечь специалистов в малоизучаемом тогда научном направлении – психологии творчества и убедить директора Института Г.С. Костюка?

В.А. Это прозвучит сейчас несколько неожиданно, но это так: мне не удалось убедить Г.С. во время его директорства включить в конкретном плане тематику творчества в институтскую, лишь отчасти – технического творчества. Да и ставшего затем нового директора я тоже не смог убедить. Поддержала меня в этом лишь Людмила Никитична Проколиенко, которая, к большому сожалению, недолго пробыла на посту директора и трагически ушла из жизни, фактически лишь приступив к реорганизации и спасению (в прямом смысле – была инициатива Министерства просвещения соединить наш институт с институтом педагогики).

Какие события оказались переломными, что повлияло на Вашу судьбу? Какие воспоминания детства у Вас сохранились или были наиболее яркими, запоминающимися? И были ли у Вас встречи в жизни, которые повлияли на Ваше мировосприятие, изменили Вас как личность?

В.А. Увы, переломные события накрыли мое поколение девятым валом Айвазовского. Вот лишь сокращенный перечень-цепочка: война – послевоенный Киев с послевоенной школой – смерть Сталина – время Хрущева – эпоха Брежнева – крушение «титаника – Советского Союза» – вхождение науки в организационно-экономический штопор – микроскопические попытки ренессанса (или чего-то на него похожего) – создание АПН...

А по-своему судьбоносных и масштабных встреч у меня было множество. В одной только психологии (назову лишь часть имен) это: Г.С. Костюк, Н.Ф. Добрынин, Н.А. Менчинская, В.С. Мухина, Т.В. Кудрявцев, С.Г. Геллерштейн, Е.А. Милерян, Б.Ф. Ломов, О.А. Конопкин, П.М. Якобсон, А.М. Матюшкин, В.В. Давыдов, А.С. Прангишвили, В.В. Григолава, В.П. Зинченко... И это не шапочное знакомство, а нередкие встречи, беседы, консультации, возможность вживую послушать их выступления, доклады... Я уже в одном из интервью говорил, что это в полной мере заменило мне любое самое высшее образование. А главное – помогало стать пусть каким ни есть, но психологом, который мог опереться на плечи коллег и друзей. Общение с такими людьми сыграло колоссальную роль в моем научном и человеческом становлении.

А я, ведь, не сказал о самом главном – о моих близких: маме, отце, других родственниках. Кроме генов, от мамы я постигал ее медицинскую ответственность, аккуратность, преданность профессии, от отца – мышление историка, война по жизни и работе. Моя бабушка обучила меня буддийской мудрости (хотя о буддизме она никогда, может быть, и не слыхала), а ее родная сестра – настоящей позитивной психотерапии, которой могли бы позавидовать все роджерсы, масловы и ультрасовременные «спасатели» человека, часто поражающие меня своим равнодушием к человеческой душе и масштабами оплаты их фактически вымышленного труда.

Были у меня и настоящие друзья по школе, по институту, по работе, просто «по жизни». Все они – мои учителя и если я чему-то у них не доучился, то это не их вина.

Вы очень много видели в жизни, много ездили по разным странам и многое помните. Не собираетесь ли Вы опубликовать свои мемуары? (у Вас есть отдельные короткие заметки-эссе «Психологический мост: Киев – Ленинград», «Психея в кимоно»).

В.А. Такие планы у меня есть. Написать не только о городах и странах, а, прежде всего, о моем общении с без преувеличения выдающимися людьми – учеными, поэтами, инженерами и, скажем так, совсем простыми, о которых не выйдут книги в серии ЖЗЛ, но которые, по моему глубокому убеждению, достойны того, чтобы о них рассказать другим, а не держать это лишь в своей эгоистической памяти. Мемуары, не мемуары, а вот воссоздать пусть и краткие портреты – это может быть даже долг. Несколько таких портретов я уже опубликовал (А.А. Смирнов, Я.А. Пономарев, В.В. Давыдов, О.К. Тихомиров, Г.С. Костюк).

Кто из известных или современных философов наиболее Вам близки или оказали на Вас особое влияние?

В.А. Когда-то на меня особое впечатление произвел Ф. Ницше. Затем В.С. Соловьев. Позже – Г.С. Сковорода. В последние годы – А.А. Зиновьев и А.С. Панарин. Два последних в самом деле не зияющие, а сияющие вершины, которые, к сожалению, для многих из нас скрыты туманом нашего невежества и познавательной пассивности. Я убедился, что многие о том же А.С. Панарине даже не слышали (даже некоторые лица с дипломами философов!). Но самым главным для меня философом (и психологом!) был и остается Ф.М. Достоевский.

А кого из писателей, поэтов Вы почитаете и высоко цените? Чье творчество больше всего на Вас повлияло?

В.А. Их много. В первую очередь это тот же Ф.М. Достоевский, К.Г. Паустовский. Поэты? Конечно, Пушкин. И не только потому, что его мы считаем Первым Поэтом Руси. По огромному тому юбилейного 1937 года издания я учился читать. Тогда это была одна из двух книг, которые оказались во время войны в доме моей бабушки. Я прочел эту книгу без малейших пропусков несколько раз. Наверное, это и был мой личный Царский лицей. Сегодня мне, как психологу, очень хотелось бы хоть краешком глаза увидеть, как пятилетний мальчик в зимний вечер при свете керосиновой лампы читает на печке «Евгения Онегина» и любовную лирику Александра Сергеевича... А позже, конечно же, Лермонтов, Блок, Тютчев, Фет, Ахматова, Цветаева, Заболоцкий, Есенин, Маяковский и очень многие другие, знаменитые и не очень. В том числе и многие зарубежные, турецкие и особенно японские. Я прочел всего Гете, Гейне, Уитмена, Элюара... Насколько я могу судить, больше всего на меня повлиял именно Пушкин (в том числе и в первую очередь именно в силу вышесказанного, ну и, конечно, в силу его гениальности). А также Александр Блок. Но не только они. Как сказал Ф.И. Тютчев: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Я бы в данном случае добавил: не только, как отзовется в будущем, но и разгадать, как оно уже отозвалось в нашем настоящем – ведь поэзия проникает в такие глубины души, куда заглянуть, наверное, еще труднее, чем увидеть в далеком прошлом маленького читателя с томом Пушкина на печке. Если коротко, то отвечу так: все повлияли, а как, не скажу... потому что и сам не знаю.

Когда у Вас появился интерес к поэзии: когда Вы научились уже читать или еще раньше, до школы?

В.А. Выше я почти ответил на этот вопрос. Поэзия завораживала меня уже тогда, когда мама читала мне вслух стихи (еще до Пушкина это был К. Чуковский и другие, кого – не могу вспомнить), это где-то в двух-трех летнем возрасте, когда я сам еще не научился читать (и, кстати, писать я научился тоже – по Пушкину: я копировал печатные буквы, составлял слова и целые предложения, поэтому когда я пришел в школу, моей первой учительнице Марье Ивановне было очень трудно приучить меня к должному для первоклассника написанию букв – для меня это был почти переход к иероглифам).

У Вас целый цикл статей по поэтической психологии, поэтическому мировосприятию. В чем Вы видите смысл Ваших разработок? Вы их рассматриваете как психологические исследования или больше как литературные эссе?

В.А. Получается, что это одновременно и то, и другое. Когда я пишу эти статьи, то психолог не может «выставить за дверь» эссеиста, а тот бессилён «справиться с психологом».

Как Вы рассматриваете современное отношение к поэзии молодежи? Почему забыты и практически не переиздаются такие крупные поэты XX века, как Евгений Винокуров, Леонид Мартынов, Виктор Соснора, Борис Слуцкий?

В.А. Что тут можно сказать. По моему мнению, современная молодежь заключена в своего рода антикультурное гетто, где царит культ наживы, поклонение идолам поп-жанров, где распускают свои гнусные щупальца алкоголь и наркотики. И даже тем, кто не попадает в такого рода гетто, грозит цепкая паутина Интернета, телевизионный маразм, реклама, не снижение, а падение возвышенной мотивации, интереса к литературе, искусству, настоящему кино, наконец, и к поэзии. Все потому, что в силу происков госпожи истории оказались в изгнании лучшие человеческие чувства: любовь к ближнему, сочувствие, доброта, восхищение красотой. Тут в самый раз вспомнить знаменитую триаду Владимира Соловьева, который в своем гениальном «Оправдании добра» выделил эти признаки настоящего человека: стыд – сострадание – преклонение перед высшим (красотой, Божественным). И не молодежь виновата в том, что она в таком гетто. А те, кто ее туда загоняет. Чтобы что-то или кого-то любить, нужно это видеть, слышать. А как можно любить то, чего нет рядом – поэтические голоса отошли, как недавно религия, в катакомбы нашей обыденной жизни. И голоса оттуда достигают лишь немногих ушей. А большинство – оглушено дикими децибелами антимузыки и городского шума... Поэтому и не издаются книги многих очень нужных сегодня поэтов. Впрочем книги Виктора Сосноры издаются, но его стихи менее доступны по стилистике, чем того же Евгения Винокурова. Хотя тот же общедоступный Евгений Евтушенко хоть и собирает время от времени залы, но это его поклонники прошлых лет.

Священник Дмитрий Дудко в свое время выступил с предложением возвести в лик святых целый ряд писателей и поэтов (Пушкина, Лермонтова,

Достоевського, Гоголя). Як Ви вважаєте, наскільки правомірно таке заявлення?

В.А. Наскільки це правомірно з точки зору самої Русської Православної Церкви, я не знаю. Я не тільки не її ієрарх, але навіть не послухник. Але, бачи, Дмитрій Дудко був видаючимся слухителем, к тому же сам – еще и писатель, и поэт. Я же выскажу лишь свое очень грешное мнение: если в Святыа был возведен тот же Равноапостольный князь Владимир (а мы знаем, сколько за ним числится нарушений десяти заповедей), то уж названные Дудко писатели и поэты на таком фоне выглядят невинными агнцами. Выдающийся современный поэт Юрий Кузнецов в поэме «Сошествие в Ад», совершая свое удивительное путешествие, никого из названных Дудко писателей и поэтов там не встретил. Это тоже о чем-то говорит. А вообще, наверное, не нужно таким как я вмешиваться даже в форме высказываний в такое Святое дело. А имена названных писателей и поэтов и так уже воссияли на небесах отечественной культуры и литературы. Разве этого мало?

Валентин Алексеевич, у Вас есть несколько статей о глупости, о зависти (Вы их называете «черными музами») или, например, стихотворение «Моцарт и Сальери». По Вашему мнению, почему «рука об руку» идут талант и зависть, глупость и мудрость, гений и злодейство?

В.А. Ответ на эти вопросы ищут давно. К тому же гораздо более мудрые люди, чем Ваш собеседник. Предполагать тут можно разное. Если не вдаваться в мистику, то можно говорить о конкуренции – в жизни, творчестве, когда будем говорить о зависти. Глупость вообще универсальна. Я давно сделал открытие, по крайней мере для самого себя, что неглупых людей вообще нет. То есть таких, кто не совершал бы глупости. Я даже придумал несколько афоризмов, и один из них такой, парадоксальный: чем умнее человек, тем большую глупость он может совершить. Почему «идут рука об руку»? Может, они сиамские близнецы? Может и тут прав круг «Инь-Ян»? Может, щуки запущены для того, чтобы караси не дремали? Можно вспомнить и Иванушку-дурачка, который оказался в итоге всех приключений победителем. Само собой, что у меня нет окончательного ответа. Даже, если допустить, что я не самый глупый в мире человек. На эту тему есть, кроме художественных (например, «Портрет» Гоголя), хорошие книги. Скажем, у Левенфельда написано столько, что мои рассуждения будут излишними.

Вы как-то рассказывали о знакомстве с Л.А. Дельмас. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

В.А. Отвечать на этот вопрос подробно не позволяет наш жанр, а слишком коротко – мое глубокое уважение к Любови Александровне (и, конечно же, Александру Блоку). Скажу лишь о том, что непосредственное знакомство с Л.А. Дельмас произошло вне всякой, казалось бы, логики. Во-первых, я не знал, что она жива. Но, во-вторых, я тогда собирал материалы к биографии А. Блока (был и такой у меня замысел), и в одном из разговоров – в ленинградском кафе с девушкой, которая обещала мне подготовить подстрочники бразильских поэтов (она знала португальский язык, а я, кроме всего прочего, еще и проявлял неслучайный интерес к Бразилии, и к ее поэзии – почему, это совершенно отдельный вопрос). Так вот, в этом разговоре вдруг (!?) выяснилось, что мать девушки дружит с ...да, да, с Л.А. Дельмас, той самой Кармен. Девушка сразу же назвала адрес на улице Декабристов, а я прямо тут же сор-

вался и помчался по этому адресу. Нашел дом, парадное, поднялся на третий этаж, позвонил и... мне открыла сама Любовь Александровна, которая в этот момент собиралась выйти на прогулку со своим смешным песиком Митрофаном. Так случилось знакомство и, без преувеличения, моя дружба с Л.А. Дельмас, которая, наверняка, увидела во мне совсем не случайного почитателя творчества А. Блока. Я многое узнал от Любови Александровны, и не только о Блоке, неизданные письма которого она мне тогда уже позволила прочесть. Но об этом, повторяюсь, нужно рассказывать более подробно.

Вы были в Японии на XX психологическом конгрессе и потом написали книгу «Психея в кимоно», можно ли провести параллели между японцами и украинцами? В чем, как Вы считаете, заключается японское чудо, в чем тайна японской души?

В.А. Где-то у меня опубликована небольшая статья, в которой я попытался провести сравнение украинцев и японцев. Один из наших президентов написал книгу «Украина – не Россия», я ее не читал, поэтому не знаю, насколько там аргументировано такое название. Я почему-то больше доверился бы названию «Украина – не Япония». Жаль, конечно, но зато есть чему и у кого учиться. Тайну японской души я может и не постиг, но зато постарался это сделать в своем стихотворении «Сатори в Никко». Оно опубликовано, а из-за его размеров я не могу здесь его привести. К тому же уверен, что о Японии я еще до конца не высказался.

У Вас есть статьи и стихотворения, посвященные известным востоковедам и синологам Е.В. Завадской и Т.П. Григорьевой. Как Вы познакомились с ними? Можно ли сказать, что они в какой-то мере повлияли на Ваш интерес к Японии?

В.А. Да, мне были дарованы и эти знакомства. Замечательную исследовательницу китайской культуры, философии, живописи Евгению Владимировну Завадскую я раскрыл в Москве сам, будучи очарован ее книгой «Восток и Запад», а уж с выдающейся японисткой – Татьяной Петровной Григорьевой меня познакомила именно Е.В. Завадская. Наверное, не нужно мне здесь о них много говорить – у них много интереснейших, блестящих книг, которые посоветовал бы прочесть каждому психологу (и не психологу тоже). Китай и Япония в этих книгах представлены с величайшим мастерством и любовью. И это не могло пройти мимо меня – их читателя и почитателя.

У Вас есть гениальный поэтический цикл, посвященный Врубелю («Кирилловская роца», «Сирень», «Апостолы», «Надгробный плач», «Владимирский собор», «Демон», «Муза», «Царевна-Лебедь», «Реквием», «Поэт и царевна» и другие). Почему именно этот художник так привлек Ваше внимание? Расскажите, пожалуйста, о Вашем многолетнем исследовании творчества Михаила Врубеля?

В.А. Спасибо за причисление моих стихов к разряду гениальных. Это скорее всего свидетельствует о гиперболичности Вашего восприятия, чем о моих достижениях. Но, само собой, за такую Вашу оценку я на Вас в суд не подам, даже в Гаагский трибунал... Мой интерес к творчеству Врубеля развивался постепенно, начиная со знакомства с репродукциями его картин (к тому же миниатюрных и черно-белых). Потом была большая юбилейная выставка (100-летие со дня рождения в 1956 году), где я увидел оригиналы. Они

меня поразили (разве только меня?). К тому же я узнал о киевском периоде творчества Врубеля и вскоре проник (именно проник, в те годы церковь была в запустении и закрыта для посетителей) в Кирилловскую церковь, где он создал уж точно гениальные произведения: иконы, фрески «Сошествие Святого Духа», «Пророк Моисей», «Бог-Отец», «Ангелы с лабаррами». Необычайная оригинальность творчества и загадочность личности художника, наконец, не могли не заинтересовать меня и я задумал психологическое исследование о нем, часть которого реализовал в стихах и статьях.

Вопросы задавала Н. В. Медведева

Встреча с кем (кеми) в Вашей жизни стала (Вы считаете) судьбоносной?

В.А. Пусть мой ответ не покажется Вам каким-то странным, но, как психолог, Вы, я думаю, меня поймете: это была встреча с самим собой, вернее даже – цикл встреч, когда у меня начало проявляться самосознание и я начал понимать, что могу рассуждать не только с внешним миром, но и с самим собой о себе. Даже сейчас помню эти «разговоры» с самим собой – и уже не перед зеркалом, когда я просто себя рассматривал внешнего, а во время моих пеших переходов от дома до какой-нибудь ближайшей цели. Тогда я, конечно, не мог бы сформулировать свои впечатления от себя как-то «научно» или даже логически, но это именно были встречи с собой. Вот оттуда – из пяти-семилетнего возраста и началось мое судьбоносное шествие с этим самым внутренним «Я». Тут и не психологу понятно, сколько в этом длительном путешествии приятного, а порой и очень-очень неприятного, даже неприемлемого, но куда от себя деться!?

А, все таки, Вы себя ощущаете поэтом или психологом?

В.А. Ни тем, ни другим. Именно ощущений, что я поэт или психолог нет. Я лишь от случая к случаю вспоминаю, что я психолог, когда мне об этом напоминают другие. А что – поэт? Боже упаси! Лучше написать стихотворение – уже какое ни есть, чем думать о том, что ты поэт. Разве что в шуточных разговорах.

Назовите 10 Ваших любимых поэтов, 10 Ваших любимых писателей, 10 Ваших любимых психологов?

В.А. Не могу так экспромтом всех и по какому-то ранжиру назвать. Это зависит от конкретного настроения, конкретных рабочих установок, а, может, и от погоды, кто знает. Среди любимых поэтов всегда Пушкин и Блок, Лермонтов и Тютчев. Но вдруг на «первое место» выходит откуда-то Заболоцкий, когда вспоминаешь его строки. Писатели? Самые любимые Достоевский и Фолкнер. А «просто любимых» больше десяти. Любимых психологов нет. Есть авторитетные, значимые. Их не десять, а десятки. Название одних и ситуативное забвение других будет несправедливым. Будем считать, что самыми любимыми психологами по жизни у меня были две бабушки – родная, Антонина Степановна, и ее сестра – Варвара Степановна. Я от них получил практических знаний больше, чем из всех современных пособий по психотерапии и консультированию.

Вы несомненно романтик, но романтик, по-Вашему мнению, с уклоном к трагичности, лиричности или совсем другое?

В.А. Если романтик, то скорее с уклоном к юмору. Иногда не очень розовому.

Чувствуете ли Вы, есть ли у Вас ощущение наследия (древности своего рода)?

В.А. В обычном состоянии я этого не чувствую, но иногда, если случается пригубить алкогольного напитка, я начинаю чувствовать себя современником Пушкина и Лермонтова. А если алкоголя выпадет больше, то я уже вижу себя в образе космического пришельца, заброшенного на Землю с каким-то важным заданием.

Как бы Вы определили свое личностное начало?

В.А. Я не знаю, где у меня личностное начало и даже его конец, потому что до сих пор не знаю, что такое личность.

Как Вы считаете, Вы уже успели сделать нечто главное в своей жизни, или это отложено у Вас на будущее?

В.А. Если я проживу еще лет сто, то, возможно, исполню свое главное, что мне поручено.

Вопросы задавала Н. М. Латыш

Валентин Алексеевич, Вы придерживаетесь мнения, что талант является одной из высших форм ряда творческих способностей. Что нужно, чтобы сформировался талант? Какой должна быть система работы с одаренными детьми?

В.А. Талант все же от Бога. И главное – ему не мешать, тогда он будет проявляться. А вот одаренность нужно выявлять и стимулировать. Она, я считаю, есть практически у каждого человека и главное – это вовремя «на глаз», если она очевидна для родителей и учителей, или прибегая к существующим на сегодня методикам выявлять ее и поддерживать, создавая благоприятную среду, стимулируя давно известными приемами, начиная от похвалы и кончая наградами, денежными премиями и т.п.

Какими защитными механизмами должен обладать человек, чтобы сохранить творческое начало, заложенное в каждом человеке от природы?

В.А. Главное защитное средство – это вера в самого себя, в то, что ты должен беречь и отстаивать свою возможность творить, несмотря ни на что. Тарас Шевченко писал стихи и рисовал, даже будучи в армейской ссылке, схожей на каторгу Достоевского. Леся Украинка творила, несмотря на тяжелейшие болезни. Верующему человеку, конечно же, поможет молитва, обращение к Святым, к Господу.

Вы написали цикл статей об аварии на ЧАЭС. Какие, по Вашему мнению, психологические последствия Чернобыльской катастрофы?

В.А. Фактически ответ на этот Ваш вопрос мною уже дан в одной из статей, которая так и называется «Психологические последствия Чернобыльской атомной катастрофы». А вот отдаленные последствия требуют еще специального осмысления и изучения. Я все же остаюсь при мысли, что самое тяжелое психологическое последствие – это скрытая паника, она, наверное,

ушла в еще большие глубины психики, но для многих из нас ее влияние даже в повседневности несомненно.

Что нужно знать и предпринимать для защиты и сохранения психологического и творческого здоровья?

В.А. Как минимум, нужно усвоить азы медицинской психологии и психиатрии. И еще очень важно – внимательно изучить свои собственные психические, физиологические и физические особенности, чтобы поддерживать свой творческий тонус. Ведь у каждого из нас, кроме общих, есть еще и свои особенные стимуляторы и блокираторы творческой деятельности. Это могут быть стихи, картины, запахи, цветы, любимые блюда, чай, кофе и очень многое другое.

В нынешнее время на людей осуществляется обвал различной информации, в том числе негативной информации. Что нужно предпринимать, чтобы «не утонуть» в этом информационном потоке? В чем состоит информационная психологическая безопасность личности?

В.А. Вообще-то это настоящее искусство, которое развивается по мере обучения, обретения жизненного и профессионального опыта. Ведь главное здесь – это различать нужную и ненужную информацию, отбирать нужную по каким-то понятным для тебя признакам. Можно сказать, что главное – это овладение мастерством понимания – узнавания, дифференциации, отсеивания, критического анализа.

В чем состоит адаптация человека к новым, усложненным, кризисным условиям?

В.А. Такого рода адаптация также «выращивается» по мере преодоления трудностей, начиная от мелочей (вот почему принципиально важно приучать детей с раннего возраста выполнять сложную работу, сложные задания, не бояться их). Самое главное здесь – не впадать в панику, а выстраивать в своей психике, своих установках вектор – *никогда не сдаваться*, несмотря ни на что. Этому у нас всегда есть у кого и чему поучиться, пусть даже у литературных героев (хотя и живых, реальных хватает и в мирное, и в военное время).
